

Т. А. ПАВЛОВА

ГЕНЕРАЛ МОНК И РЕСТАВРАЦИЯ СТЮАРТОВ

«Но Монк!.. Ах, ваше величество, избави вас боже вести политические дела с Монком! От него-то в один год поседели мои волосы! Монк, к несчастью, не фанатик, а политик; он не лопнет, а сожмется. Вот уже десять лет, как взоры его устремлены к одной цели, и до сих пор никто не знает, чего он хочет... Зато в тот день, когда его план, медленно и в одиночестве продуманный, созреет, он будет иметь все шансы на успех, как всегда бывает в непредвиденных случаях... Каска Монка — железный сундук, в который он запирает свои мысли, и ни у кого нет ключа от этого сундука. При нем или, лучше сказать, перед ним я склоняюсь, потому что у меня просто бархатный берет».

А. Дюма. Виконт де Бражелон, или десять лет спустя.

ГЕНЕРАЛ В ДЕРЕВЯННОМ ЯЩИКЕ

Имя генерала Джорджа Монка сейчас знают немногие. Но было время, когда оно казалось великим и загадочным, когда оно передавалось из уст в уста во Франции и Германии, в Испании и Голландии, в далеких заморских провинциях. Эхо этой славы многократно повторялось в XVIII в., а в XIX столетии, через 200 лет после происшедших событий, имя Монка получило новое звучание на страницах романов Александра Дюма. Слова о сокровенных планах Монка Дюма вложил в уста кардинала Мазарини, ловкого политика и хитрого интригана. Почему же имя Монка так притягивало умы памфлетистов, историков, писателей? Объясняется это прежде всего тем, что оно служило своего рода ключом к разгадке реставрации Стюартов в Англии.

Тот, кто знает европейскую историю XVII в. больше по романам Дюма, чем по учебникам, помнит, как произошло возвращение на трон «несчастливого изгнанника» Карла II. Решающую роль в этом событии, как известно, сыграли brave мушкетеры Атос и д'Артаньян. Первый явился в лагерь Монка за миллионом, спрятанным в склепе полуразрушенной башни Ньюкаслского аббатства, чтобы передать эти деньги в руки изгнанного короля, врага Монка. Монк, покоренный доверием Атоса, отдает ему деньги, дабы посмотреть, способен ли низложенный монарх быть ему достойным противником.

Д'Артаньян же, без ведома и Атоса, и самого Карла, переправляется с бандой головорезов в Англию и похищает генерала. Он сажает его в деревянный ящик и доставляет Карлу II. Два давних и непримиримых врага встречаются лицом к лицу. Карл Стюарт, не желая воспользоваться преимуществами, добытыми таким сомнительным способом, отпускает своего смертельнойю врага на свободу. Это производит сильное впечатление на генерала, и он, вернувшись в Англию, тут же посылает низложенному монарху письмо, состоящее всего из одной строчки: «Жду ваше величество через шесть недель в Дувре».

В этой истории все грешит против истины, перепутаны хронология и география. Дело у Дюма происходит в июне, значит, Карл возвращается в Англию в середине

августа. Между тем Монк стоял лагерем на Твиде в ноябре-декабре 1659 г., а король въехал в Лондон не «через шесть недель», а 29 мая 1660 г. Ньюкасл оказывается у Дюма прямо против Колдстрима на р. Твид, где расположился со своим войском Монк, т. е. перемещается более чем на 100 км к северу.

Что же касается самих событий, описанных в книге, то они полностью вымышлены писателем. В «Мемуарах господина д'Артаньяна», которые были положены Дюма в основу романа, сказано только, что д'Артаньян по приказу Людовика XIV спешно отправился в Англию, «чтобы поздравить Карла II, который наконец вернулся на трон»¹. О Монке в этой книге говорится, что он сам собирался стать правителем Англии, но поняв, что это ему не удастся, «послал в величайшем секрете письмо его величеству британскому королю, предлагая ему объединить силы с тем, чтобы восстановить на престоле Карла, у которого уже образовалась партия сторонников в королевстве, не смешая, однако, поднять голову из боязни, что ее раздавят». Монк, поясняет автор «Мемуаров», командовал в Англии наиболее дееспособной армией и принял вместе с королем все меры, которые привели к скорой реставрации².

Как видим, в этом описании нет ничего, что позволило бы объяснить механизм происшедших событий. Оно послужило Дюма лишь канвой, на основе которой он сочинял подвиги своих героев. Но в своей оценке «загадочного генерала» Дюма не одинок. Вот что мы читаем в биографии Монка, составленной его лекарем Томасом Скиннером: «Он имел все достоинства Цезаря, за исключением его честолюбия, пользовался популярностью Помпея, однако, будучи лишенным его заблуждений или несчастий, внушал всеобщее уважение, подобно Лукуллу, не ведя его роскошного образа жизни; обладал трудолюбием храброго Агриколы, но на службе более достойному хозяину... Он... действительно имел дух великого героя, сочетавшийся в нем с умеренностью философа; простоту доброго человека, сочетающуюся со скрытностью исповедника»³. И эта характеристика Монка не менее тенденциозна и неправдоподобна, чем та, которую произносит у Дюма Мазарини. Многие исследователи реставрации находили события, связанные с ней и особенно с поведением генерала Монка, трудно объяснимыми. Бывало и так, что одни историки прямо противоречили другим. В настоящем очерке мы попытаемся проследить, как разворачивались события на самом деле, какую роль сыграл Монк в реставрации Стюартов.

«ОРУДИЕ ПРОВИДЕНИЯ»

Наиболее достоверный ответ на этот вопрос мог бы дать свидетель и участник событий, приближенный Карла II, лорд-канцлер королевства Эдуард Гайд, граф Кларендон. Тем более что он был историком и написал многотомную «Историю мятежа и гражданских войн в Англии». Его точка зрения — это точка зрения королевского двора и роялистов. В изложении Кларендона дело выглядит так.

3 сентября 1658 г. умирает «злостный тиран» Кромвель, который непостижимым образом «привел три нации (английскую, шотландскую и ирландскую.— Т. II), совершенно ненавидевшие его, к полному повиновению всем его приказам». Власть протектора наследовал его страшный сын Ричард. Никаких смут и неурядиц, на которые надеялись сторонники монархии, при этом не произошло. Положение короля, находившегося в изгнании в Брюсселе, казалось, было еще более безнадежным, чем при жизни Кромвеля. Но вот Ричард созывает парламент и сталкивается с серьезной республиканской оппозицией. Армейские офицеры требуют усиления своей власти. Все это вынуждает Ричарда весной 1659 г. распустить парламент и уйти в отставку. Волей офицеров к кормилу правления приходит то самое «охвостье» Долгого парламента, которое осталось после Прайдовой чистки 1648 г. и было разогнано Кромвелем в 1653 г. Именно эта часть парламента, состоявшая из обогатившихся в ходе революции новых дворян и буржуазии, вынесла Карлу I смертный приговор и провозгласила в

¹ «Memoires de Mr. D'Artaghan Capitaine Lieutenant de la première Campagne des Mousquetaires du Roi. Contenant quantité de choses Particulieres et secrettes qui se sont passées sous le Regne de Louis Le Grand», t. III. Cologne, 1700, p. 156. Эти мемуары не подлинные. Их автором является французский писатель Куртиль де Сандра, и изданы они не в Кёльне, как обозначено на титуле, а в Руане.— См. А. М о р у а. Три Дюма. М. 1965, стр. 201.

² «Memoires de Mr. D'Artaghan», t. III, p. 157—158.

³ Th. S k i n n e r. The Life of General Monk. London, 1724, p. 380, 381, 383.

стране республику. На роялистов опять начались гонения, планы вернуть короля силой провалились. Все попытки Карла II привлечь на свою сторону генерала Монка, командующего армией в Шотландии, кончились неудачей.

В октябре 1659 г. верхушка офицеров снова поссорилась с парламентом и разогнала его. В Англии началась анархия. Тут Монк впервые вступил в игру и заявил, что он будет поддерживать «законную гражданскую власть», т. е. разогнанное «охвостье».

Позиция генерала по-прежнему не внушала никаких надежд королю. В конце декабря 1659 г. парламент снова вернулся в Вестминстер-холл. Король был в отчаянии. Но это «чудесное воскресение парламента,— замечает Кларендон,— которое, казалось, с корнем вырывало у короля всякую надежду на реставрацию, было похоже на акт провидения...»

Монк между тем продвигался со своей армией к Лондону и вошел в него 3 февраля 1660 г. А вскоре после этого лондонские Сити, настроенные роялистски, отказались платить налоги под предлогом непредставительности парламента. Действительно, в Вестминстере заседало всего 40—50 депутатов, которые никак не хотели расстаться с властью и заполнить пустующие места. Узнав о «мятеже», парламент приказал Монку войти со своей армией в Сити и покарать «бунтовщиков». Генерал добросовестно выполнил приказ, но через два дня внезапно изменил своему принципу беспрекословного повиновения парламенту и в ультимативной форме потребовал от него заполнения пустующих мест.

Через несколько дней Монк устроил совещание с пресвитерианами, исключенными из парламента Прайдом в 1648 г. В этом, утверждает Кларендон, «не было притворства и стремления скрыть свои добрые намерения относительно короля, ибо, без сомнения, он (Монк.— *Т. П.*) в тот момент не имел никакой цели или даже мысли служить ему, но целиком придерживался мнения, выраженного в декларации, что это — дело невозможное». Монк, полагает автор, хотел установления в Англии республики на манер Голландии.

21 февраля пресвитериане, сопровождаемые монковскими солдатами, вернулись в парламент, после чего отменили все акты своих предшественников и 16 марта распустили палату, назначив выборы в новый парламент. 19 марта к Монку тайно прибыл посланец короля Джон Гренвиль, и Монк, который до этого сажал всех роялистов в тюрьму, с почетом принял его и выразил желание служить королю.

1 мая Гренвиль с письмами короля и текстом Бредской декларации уже легально предстал перед новым парламентом — Конвентом. «Такой великой радости эти стены не видели никогда», — пишет Кларендон. Заслушав письма «его величества», обе палаты Конвента, Общинный совет и олдермены Сити, а также Совет офицеров, специально созванный вечером того же дня Монком, единодушно постановили послать королю ответ с выражениями благодарности и верноподданнических чувств. 26 мая король, встреченный толпами народа во главе с Монком, высадился в Дувре, а 29 мая торжественно въехал в Лондон. «Таким удивительным образом,— заканчивает Кларендон свое повествование,— и с такой чудесной быстротой бог в течение всего лишь месяца положил конец мятежу, который продолжался около 20 лет».

Все в этой истории мало поддается объяснению с точки зрения логики и здравого смысла. Да Кларендон и не стремится к такому объяснению. События реставрации, писал он, дело рук божественного провидения, а не человеческой воли.

Какую же роль в этих событиях сыграл генерал Монк? Он, согласно Кларендону, послужил «орудием провидения» и помимо своей воли дал возможность совершаться делам, «которые он не имел ни мудрости предвидеть, ни смелости попытаться совершить, ни способностей задумать». В своих действиях он руководствовался принципом служения гражданской власти и соображениями собственной выгоды. «И для короля это было величайшим счастьем, что он никогда не имел цели служить ему до тех пор, пока это не стало зависеть от его власти и воистину пока ему ничего другого уже не оставалось делать. Если бы он решился на это раньше, он бы сам себя погубил; вся машина была настолько бесконечно выше его сил, что она могла быть приведена в движение только божественной рукой»⁴.

⁴ E. Clarendon. The History of the Rebellion and Civil Wars in England, vol. VI. Oxford, 1888, p. 94, 105, 162, 175, 215, 234, 164.

Итак, если у писателя Дюма реставрацию Карла II совершили мушкетеры — у историка Кларендона это делает провидение. И в том и в другом случае Монк — лишь орудие чужой воли, а объяснение событий носит тенденциозный характер.

Кларендон не одинок. Божественной волей объясняли реставрацию многие ее апологеты. Джон Обри, например, уверял, что, когда Монк вошел со своей армией в Лондон, он не собирался реставрировать короля. Но вскоре он увидел, что большинство в Сити и во всей стране склоняется на сторону Карла II и «ему не оставалось иного пути для собственного спасения, кроме как присоединиться к Сити». В целом же, заключает Обри, «в возвращении его всемилостивейшего величества видна рука божия, а то, что орудием послужила эта особа, — простая случайность»⁵.

«ЧЕСТНЫЙ ДЖОРДЖ» ПРОТИВ «ПРОНЫРЛИВОГО ЛИЦЕМЕРА»

Однако существовали и другие очевидцы. Не отрицая роли сверхъестественного в историческом процессе, они тем не менее пытались объяснить причины реставрации исходя из земных побуждений и поступков отдельных людей. И здесь место провидения начинает занимать уже генерал Монк, которого изображают главным устройте-лем реставрации.

В 1680 г. в свет вышла книга «Тайна и способ счастливой реставрации его величества, раскрытые для всеобщего обозрения». Ее автором был Джон Прайс, в прошлом капеллан Монка. На титульном листе значилось, что Прайс был «посвящен во все секретные происшествия и подробности» описываемых событий.

Основным фактом, на котором строится вся концепция Прайса, является визит к генералу брата, Николаса Монка, в августе 1659 г. Николас, девонширский богослов, был направлен к Монку агентом короля Джоном Гренвилем, поручившим предложить генералу любую сумму денег, любые титулы и должности в обмен на переход в лагерь роялистов. Предлогом для поездки Николаса к брату служило устройство брака его дочери, воспитывавшейся у генерала. Когда богослов прибыл в расположение шотландской армии в Далкит, генерал был занят и просил брата подождать у Прайса. Разговорившись с капелланом, робкий Николас доверился ему и рассказал о своем секретном поручении. Прайс, сам тайный роялист, встретил это признание сочувственно и познакомил прибывшего с обстановкой в шотландской армии. За исключением немногих лиц, никому доверять не следовало: в Далките царил обстановкой всеобщего наущничества и соглядатайства. Сам Прайс, слушая рассказ Николаса, «часто подходил к двери своей комнаты, так как опасался, что кто-нибудь может его подслушать». Он посоветовал Николасу довериться только жене генерала, тайной монархистке, и обещал ему свою поддержку.

Разговор между братьями происходил наедине. На следующее утро радостный Николас сообщил Прайсу, что генералу пришлось по душе заговор. «И с этого времени, — пишет Прайс, — я считаю, что он (Монк. — Т. II.) принял решение содействовать реставрации короля».

В это время в Чeshire вспыхнуло роялистское восстание Джорджа Буса, и генерал решил примкнуть к нему. Вместе со своими ближайшими соратниками он составил манифест с требованием «полного и свободного парламента» (лозунг Буса, который не решался прямо назвать имя короля), и Монк уже послал было капитана Смита объявить о своем намерении полкам, но в последний момент решил подождать с этим до получения почты. Рано утром следующего дня пришло известие о разгроме восстания Буса. Манифест был сожжен, заговор распался, и генерал отослал брата воссоединиться. Прайс утверждает, что он спросил Монка, что бы он сделал, если бы манифест был уже разослан по полкам его армии? Тот ответил: «Я не сомневаюсь, что мог бы захватить Эдинбургскую крепость и цитадель Лит, некоторые офицеры и многие солдаты последовали бы за мной; и тогда я смог бы поднять на восстание всю шотландскую нацию».

Все последующие действия Монка Прайс объясняет исходя из этого решения: имея в виду реставрацию короля, он выступил против военного переворота 13 октября, осуществленного группой офицеров, и только для отвода глаз объявил о своей

⁵ J. A u b r e y. Brief Lives. London, 1958, p. 206, 207.

верности парламенту; с этой же целью он пошел маршем со своей армией из Шотландии на Лондон. Когда Прайс рещался упрекнуть генерала в том, что он слишком твердо в своих декларациях настаивает на верности «охвостью», тот отвечал: «Вы видите, кто вокруг меня и кто пишет все эти вещи. Я не должен выказывать им никакого неудовольствия; я вижу, что они уже сильно подозревают меня». И даже разрушение Сити по приказу «охвостья» Монк произвел на благо реставрации монархии; эти действия вызвали такую всеобщую ненависть к парламенту, что дело республики оказалось окончательно проигранным. Когда Прайс спросил Монка, как он отважился выполнить такое приказание, генерал ответил: «Это была хитрость, о которой вы не знали; и я уверяю вас, без нее я не смог бы сделать своего дела так скоро, а может быть, и вообще не смог бы»⁶.

Так, где-то действуя хитростью, где-то умалчивая, где-то выжидая, «честный Джордж», как называли его солдаты, добился своей долго скрываемой цели и вернул троп «суверену». И хотя на последней странице книги, уже после описания «счастливого конца» истории, Монк смиренно отказывается от славы «устроителя реставрации» и утверждает, что «только один бог сделал все это», читателю ясно, что главное действующее лицо во всех событиях — именно генерал.

Та же концепция повторяется в книге другого раннего биографа Монка, капеллана Т. Гамбла, и с теми или иными оттенками в сочинениях многих других современников. Так, философ Томас Гоббс утверждает, что Монк «очень хорошо знал свои собственные силы и силы своих врагов, и из кого они состояли, и как их можно было умножить, и чего желали как Сити, так и вся страна, а именно, возвращения короля». Все поступки генерала и были направлены к этой цели, но он тщательно скрывал свои истинные намерения. В целом реставрация у Гоббса выглядит как дело рук одного Монка, а его поход на Лондон — «лучшая военная хитрость, какую знает история»⁷.

Эта же версия, только с отрицательной характеристикой Монка, содержится в мемуарах членов «охвостья» — Э. Ледло и Б. Уайтлока. Да, реставрацию Стюартов совершил генерал Монк, однако то, что у апологетов выглядит как мудрость, умение хранить тайну, военная хитрость, враги Монка называют лицемерием, лживостью, предательством. Когда началось восстание Буса, пишет Ледло, парламент приказал Монку послать для подавления его часть своей армии, но он отказался. В это время при нем находился джентльмен от короля (Николаас Монк? — Т. П.), и Монк не арестовал его, как был обязан, а позволил ему свободно удалиться. Значит, делает вывод Ледло, Монк уже тогда «предал тех, кому служил», т. е. республиканцев⁸. Вслед за Ледло идет и Уайтлок. В ноябре 1659 г., во время переговоров между английской и шотландской армиями, единственной заботой Монка было, по мнению Уайтлока, выиграть время, чтобы «получше приготовить к исполнению своего замысла — привести короля»⁹.

Наиболее последовательно этот взгляд проводится уже в XVIII в. в труде видного английского философа-деиста Джона Толанда. В памфлете «Способ как вернуть короля, или честность и прямоту генерала Монка», Толанд приводит все письма, декларации, речи и другие документы, вышедшие из-под пера Монка, и сравнивает их с практическими действиями генерала. Получается, что Монк постоянно на словах говорил одно, а на деле стремился к прямо противоположному: к реставрации монархии. Значит, все слова в пользу республики, утверждает Толанд, «были только хитрыми уловками с целью обмануть свет, чтобы устроить реставрацию, к которой он стремился».

Вывод Толанда недвусмыслен: «хэппи энд» революции — возвращение короля — достигнуто гнусными, недостойными методами. Монковское «искусство» состоит в том, чтобы «не иметь ничего святого и благородного, жертвовать своей религией, продавать

⁶ J. P r i c e. The Mystery and Method of His Majesty's Happy Restoration Laid open to Publick View. London, 1680.— «Select Tracts Relating to the Civil Wars in England in the Reign of King Charles I», pt. II. London, 1815, p. 710, 716, 722, 746, 763.

⁷ Th. G o b b e s. Behemoth. The History of the Causes of the Civil Wars in England.— «Select Tracts Relating to the Civil Wars in England...». pt. II, p. 647, 653.

⁸ E. L u d l o w. Memoirs. 1625—1679, vol. II. Oxford, 1894, p. 112.

⁹ B. W h i t e l o c k e. Memorials of the English Affairs from the Beginning of the Reign of Charles the First to the Happy Restoration of King Charles II, vol. IV. Oxford, 1853, p. 376, 379, 381.

свою родину, предавать друзей и союзников, отвергать принципы веры, чести, справедливости... — и все это просто для того, чтобы поднять до высоких степеней себя и свою семью»¹⁰.

Нападки Толанда не остались без ответа. В 1724 г. вышла биография генерала, написанная Скиннером. Ее издатель У. Уэбстер стремился очистить «честного Джорджа» от подобных обвинений. Да, Монк искренне сотрудничал с Кромвелем и республиканцами, а затем стал честно служить королю и «очень мудро поступил, используя в целях реставрации те средства и выражения, которые показывали, что он вовсе не намеревался этого делать»¹¹.

Так в дальнейшем и повелось: одни историки шли за версией Прайса — Толанда и изображали Монка единственным устройтелем реставрации (моральная оценка его поступков в данном случае не имеет значения). Такой подход обнаруживается в книгах Д. Юма, Дж. Корбетта, Т. Галлама, в статьях И. В. Лучицкого и В. Васютинского, а из новейших исследований — в работах М. Шенфилда и Д. Огга¹². Другие следуют за Кларендоном, однако с некоторой поправкой. Уже с XVIII в. позитивная европейская наука не считала приличным объяснять ход истории вмешательством providения. По мнению Ф. Гизо, Ч. Ферса, Дж. Дэвиса, М. Эшли, Дж. Эбернати и других¹³, роль Монка в событиях реставрации была довольно невелика: он просто подчинялся давлению обстоятельств или отдельных людей. Чему больше — зависит от вкусов и взглядов историка. Так, в труде Дэвиса «Реставрация Карла II. 1658—1660» говорится, что Монк был тем, что современники называли «a waiter on Providence», или, на современном языке, оппортунистом. В изложении Дэвиса Монк давал возможность истории идти своим ходом. Эбернати убедительно показывает давление пресвитериан на Монка в период его пребывания в Лондоне, а Эшли подчеркивает роль весьма колоритной супруги генерала, монархистки, которой он «боялся больше, чем целой армии»¹⁴.

Историки, как видим, толкуют события реставрации каждый на свой лад и часто противоречат друг другу. Но теперь вернемся к самому Монку.

«СОЛДАТ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА»

Джордж Монк родился 6 декабря 1608 г. в маноре Портеридж, близ Торрингтона, в Девоншире. Он был вторым сыном сэра Томаса Монка и принадлежал к старинному, но обедневшему дворянскому роду. Первые известные факты его жизни связаны со скандалом, который впоследствии биографы старались всячески сгладить и приукрасить. В 1625 г., когда готовилась к отправке бесславная экспедиция в Кадис, Карл I должен был посетить Эксетер. Вся местная знать готовилась к торжественной встрече монарха. Хотелось участвовать в торжествах и Томасу Монку, но он был настолько обременен долгами, что боялся ареста. Чтобы избежать публичного конфуза, он поручил своему 16-летнему сыну Джорджу подкупить помощника шерифа. Тот выполнил поручение. Однако, когда перед процессией должен был появиться король, сэр Томас Монк на глазах всего графства был арестован за долги. Джордж

¹⁰ J. Toland. *The Art of Restoring, or the Piety and Probity of General Monk*. London, 1714, p. 23, 43, 39.

¹¹ Th. Skinner. *Op. cit.*, p. VI—VIII.

¹² И. В. Лучицкий. Генерал Монк. — «Университетские известия», Киев, 1870, № 11; В. Васютинский. Реставрация Стюартов. — «Борьба классов», 1936, № 4; D. Hume. *The History of England from the Invasion of Julius Caesar to the Revolution in 1688*, vol. VII. London, 1786; J. Corbett. *Monk*. London, 1889; H. Hallam. *The Constitutional History of England*, vol. II. London, 1881; M. P. Schoenfeld. *The Restored House of Lords*. Hague—Paris, 1967; D. Ogg. *England in the Reign of Charles II*, vol. I. Oxford, 1962.

¹³ Ф. Гизо. Почему удалась Английская революция. — «История Английской революции», т. I. СПб., 1868; F. P. G. Guizot. *Histoire du Protectorat de Richard Cromwell et du Rétablissement des Stuarts (1658—1660)*, vol. I—II. Paris, 1856; его же. *Monk. Chute de la République et Rétablissement de la Monarchie en Angleterre, en 1660*. Bruxelles, 1854; Ch. Firth. *George Monk*. — «Dictionary of National Biography», vol. 28. London, 1894, p. 159; G. Davies. *The Restoration of Charles II 1658—1660*. San Marino (Cal.), 1955; M. Ashley. *Cromwell's Generals*. London, 1954; G. R. Abertnathy. *The English Presbyterians and the Stuart Restoration 1648—1663*. Philadelphia, 1965.

¹⁴ G. Davies. *Op. cit.*, p. 270; M. Ashley. *Op. cit.*, p. 258.

пришел в такую ярость, что зверски избил помощника шерифа. Этот поступок грозил ему судом и тюрьмой. Родные стали хлопотать за молодого человека, и им удалось устроить его волонтером во флот. Он стал служить под началом своего родственника Ричарда Гренвилля.

Экспедиция в Кадис, плохо спланированная и управляемая, провалилась. В 1627 г. Джордж был направлен на остров Рэ, расположенный недалеко от крепости Ларошель, где англичане пытались помочь осажденным гугенотам. В 1629 г. он перешел на службу в Голландию, которая вела войну с Испанией. Там он получил чин капитана и был назначен командиром отряда. В Голландии Монк окончательно сформировался как профессиональный военный.

В это время в Англии назревали грозные события. Близилась революция, и судьбы самых разных людей оказались втянутыми в ее неумолимый ход. В 1637 г. вспыхнуло антиабсолютистское восстание в Шотландии, и Монк, вернувшись в Англию, принял участие в войне с шотландцами. Он сражался в битве при Ньютерне, где англичане потерпели позорное поражение. Бесславный мир, заключенный с Шотландией, заставил Монка, по мнению его биографов, впервые разочароваться в политике короля.

В 1641 г., когда конфликт между королем и парламентом был уже в разгаре, вспыхнуло ирландское восстание, и граф Лейстер, родственник Монка, предложил ему командовать пехотным полком, подавляющим мятеж. Полк высадился в Дублине 21 февраля 1642 г., Монк одержал победы в нескольких битвах, захватил немало замков и крепостей. В сражениях проявлял мужество, выдержку, хитрость, хорошо владел военным искусством. Он постоянно заботился о том, чтобы его солдаты были сыты, одеты, вовремя получали жалованье. В результате он стал «любим своими солдатами более, чем любой другой офицер в армии»¹⁵.

В Англии в это время произошел разрыв между королем и парламентом, началась гражданская война. Как король, так и парламент были заняты формированием своих армий. Когда военные действия в Ирландии в 1643 г. прекратились, Монк узнал о смерти отца и приехал в Англию. Здесь он получил приглашения служить в войсках из обоих враждующих лагерей. В Оксфорде, где расположился со своим войском король, он был удостоен высочайшей аудиенции, после чего отправился в королевскую армию. Но Монк прослужил королю не более недели. В первой же битве с парламентскими войсками при Нантвиче 25 января 1644 г. он и его солдаты были окружены отрядами лорда Фэрфакса; почти весь его полк перешел на сторону противника, а Монк был взят в плен и под конвоем отправлен в Лондон. 8 июля он предстал перед судом палаты общин, был обвинен в государственной измене и препровожден в Тауэр. Так закончился первый этап военной карьеры Монка — его служба в королевских войсках.

В Тауэр Монк попал зрелым 35-летним мужчиной, закаленным в битвах офицером. Он был «сведущ в своем искусстве до педантизма, осторожен до хитрости, бессилен до чрезвычайности, преисполнен сознания своей чести»¹⁶. Положение в Тауэре оказалось плачевным. У него не было денег, а без этого в тюрьме трудно было выжить. Он несколько раз писал письма старшему брату Томасу, служившему в королевских войсках, с просьбой о помощи, но получил от него только 50 фунтов. В Тауэре он пишет свою первую и единственную книгу — «Размышления о военных и политических делах» (издана в 1671 г.), в которой излагает взгляды на государственную политику. Здесь он выступает прежде всего как поборник сильного централизованного управления страной и религиозного единства. Лучшим государственным строем Монк считал монархию. Что касается армии, то главное для командующего, писал он, не стратегия и тактика, а умение снабжать солдат продовольствием и поддерживать в них высокий моральный дух. Командир должен постоянно помнить о регулярной уплате жалованья своим солдатам, об их пище и одежде. Дисциплина в армии имеет существенное значение, но генерал должен «сочетать любовь со строгостью»¹⁷.

¹⁵ Th. C a r t e. A Collection of Original Letters and Papers, concerning the Affairs of England (1641—1660), vol. III. London, 1739, p. 43.

¹⁶ J. C o r b e t t. Op. cit., p. 16.

¹⁷ Цит. по: M. A s h l e y. Op. cit., p. 200.

В Тауэре происходит важное событие в личной жизни Монка. Швее Энн Рэтсфорд, урожденная Кларджес, жена кузнеца, навещала и обслуживала заключенных. Бедственное положение храброго офицера тронуло ее, и вскоре отношения ее с Монком стали более чем дружескими. Однако лишь в 1653 г., после смерти первого мужа, она стала женой Монка и оказывала на него немалое влияние.

«ПРАВАЯ РУКА КРОМВЕЛЯ»

В 1646 г., после блистательных побед революционной кромвелевской армии при Марстон-Муре и Нэсби, войска короля были разбиты, а сам король взят в плен шотландцами. Первая гражданская война закончилась, и все военнопленные получили разрешение выехать из Англии, подписав обязательство никогда не воевать на стороне Карла Стюарта. Готовился к отъезду и Монк. Но парламент, которому нужны были опытные офицеры, предложил ему службу в Ирландии. От него требовали, чтобы он произнес клятву верности парламенту и принял Ковенант, т. е. перешел бы в пресвитерианство. Монк по рождению и воспитанию был англиканином. Одни биографы утверждают, что он произнес требуемые клятвы и принял Ковенант. Другие заявляют, что он никогда этого не делал и лишь командование, заинтересованное в согласии Монка, сообщило в парламент, что он подписал требуемые обязательства. Роялистская же легенда повествует, что Монк перед выходом из Тауэра торжественно обещал никогда не быть врагом короля. Он согласился служить в Ирландии потому, что так он сражался бы против «внешнего врага», а не против своего суверена¹⁸. Роялистская традиция и версия о непринятии клятв сложилась в первые годы после реставрации, когда ранние биографы Монка всячески старались доказать его лояльность королю и затушевать факт его службы в парламентской армии. Монк все же согласился пойти на службу парламенту и служил ему верой и правдой.

До осени 1649 г. служба Монка, назначенного правителем Ольстера, сводилась к удержанию своих позиций, обеспечению войска всем необходимым в разоренной и бедной стране и к небольшим кампаниям по захвату отдельных фортов. Но в начале 1649 г. Долгий парламент, очищенный от пресвитериан Прайдом, казнил Карла I, и в Ирландии начались смуты. Узнав о казни короля, шотландская колонизаторская армия в Ольстере взбунтовалась и потребовала, чтобы Монк присоединился к ней в поддержку сына казненного короля. Монк был вынужден отступить с остатками своих отрядов в Дендалк (апрель 1649 г.) и там заключил на свой страх и риск трехмесячное перемирие с главой повстанцев О'Нейлом. Парламент потребовал объяснений. Монк выехал в Англию и предстал перед палатой общин 10 августа 1649 г. Парламент выразил ему крайнее неодобрение, но заявил, что верит в его добрые намерения¹⁹.

Возможно, что этот случай обратил на Монка внимание Кромвеля. Когда последний в июле 1650 г. решил завоевать Шотландию и окончательно разгромить роялистов, он предложил Монку командовать одним из пехотных полков. В битве при Денбаре 3 сентября 1650 г. Кромвель одержал крупную победу. Монк в этой битве проявил себя как талантливый военачальник. Некоторые утверждали даже, что он учил Кромвеля искусству воевать, и приписывали именно ему заслугу победы; но это мнение вряд ли можно считать обоснованным.

Осенью 1650 и весной 1651 г. Монк успешно участвовал вместе с Кромвелем еще в ряде битв в Шотландии. В мае 1651 г. он был назначен лейтенант-генералом артиллерии. Когда Кромвель стал преследовать королевские войска, он оставил Монка главнокомандующим армией в Шотландии, приказав ему продолжать завоевание страны. Генерал взял несколько крепостей. Однажды после особенно трудного штурма он отдал взятую крепость войскам на разграбление, а остатки гарнизона приказал предать мечу.

Осенью 1652 г. Монк был назначен одним из трех руководителей флота и оказался в новых, непривычных для него условиях. Флот был спущен на воду 8 февраля

¹⁸ Ch. F i r t h. Op. cit., p. 148; F. P. G. G u i z o t. Monk..., p. 28; J. C o r b e t t. Op. cit., p. 48; «Journals of the House of Commons», vol. IV, 1813, p. 595. 720: Th. S k i n n e r. Op. cit., p. XXI.

¹⁹ «Journals of the House of Commons», vol. VI, p. 277; Th. C a r t e. Op. cit., vol. II, p. 388; C. W a l k e r. Op. cit., pt. II, p. 230.

1653 г. для войны с Голландией. Коллегами Монка были опытные адмиралы Блейк и Дин. Рядом с ними Монк выглядел новичком. О его поведении рассказывали анекдоты, над его «сухопутными» командами смеялись. Но его военный опыт, знание артиллерии, стратегии, фортификации пригодились. Личная храбрость и забота о солдатах сделали его популярным. Война шла успешно, и парламент наградил его золотой цепью и медалью²⁰.

Когда Кромвель в 1653 г. разогнал Долгий парламент, политика которого не отвечала более интересам буржуазии и нового дворянства, стремившихся к упрочению своей власти, Монк официально одобрил действия Кромвеля. Он приветствовал также установление в стране протектората. Его верность правительству не оставляла поводов для сомнений, и, когда в 1654 г. в Шотландии снова вспыхнуло роялистское восстание, Кромвель послал туда Монка. Генерал прежде всего выпустил прокламацию с обещанием амнистии всем, кто сложит оружие в течение 20 дней. За главарей восстания, живых или мертвых, он предложил выкуп. Все эти меры привели к быстрому подавлению восстания. К 1655 г. страна была полностью «усмирена».

В покоренной Шотландии Монк установил «первоклассную систему разведки»²¹ и бдительно следил как за настроениями шотландцев, так и за поведением в английской армии. Все заговоры и попытки недовольства он пресекал в корне и прослыл в это время «правой рукой Кромвеля». В декабре 1654 г. среди части английских солдат и офицеров возникло недовольство протекторатом и они, связавшись с парламентской оппозицией и остатками левеллерской партии, начали распространять антикромвелевские памфлеты. Во главе заговорщиков должен был стать Роберт Овертон, помощник Монка. Их план заключался в том, чтобы захватить генерала в плен, двинуть армию на Лондон и низложить «тирана». Многие солдаты, которым правительство задолжало жалованье за несколько месяцев, готовы были присоединиться к заговору. Но Монк, вовремя узнав обо всем от своих тайных агентов, быстро обезвредил заговорщиков: он приказал уничтожить опасные памфлеты, уволил подозрительных офицеров, арестовал зачинщиков и под конвоем отправил их в Лондон. «Мое мнение таково, — писал он, — что если его высочество (Кромвель. — Т. II) не будет очень строг к этим нарушителям спокойствия, мы никогда не достигнем никакой прочной власти»²².

Генерал вникал в дела управления Шотландией, заботясь прежде всего о поддержании порядка. Очевидец писал, что «человек мог спокойно проехать по всей Шотландии всего лишь с хлыстиком в руке и 100 фунтами в кармане, чего нельзя было бы сделать в течение предшествующих 500 лет»²³. Стремясь к популярности у местного населения, Монк посылал в Лондон письма с ходатайством об уменьшении налогов, установил дружеские отношения с шотландскими лордами. Особое внимание следует обратить на отношение Монка к роялистам — ведь некоторые биографы утверждают, что он и в это время сохранял в душе верность королю. Имеются сведения, что он очень внимательно следил за всеми их интригами, но не заводил с ними никаких отношений и всегда на словах и на деле хранил верность протектору. В декабре 1654 г. прошел слух, что Карл II собирается высадиться в Шотландии. «Если он появится, — писал Монк, — я не сомневаюсь, что мы милостиво божьей сумеем задержать его»²⁴. В 1655 г. Карл послал Монку письмо, где выражал надежду, что генерал продолжает хранить верность своему суверену, и намекал, что в будущем ждет от него услуг. Монк тут же послал копию этого письма Кромвелю и продолжал арестовывать роялистов. Кромвель глубоко доверял ему. В 1657 г. он пригласил Монка принять участие в заседаниях верхней палаты его нового парламента, но тот отказался, сославшись на необходимость присутствия в Шотландии.

²⁰ M. Ashley. Op. cit., p. 202—203; «Journals of the House of Commons», vol. VII, p. 296.

²¹ M. Ashley. Op. cit., p. 205.

²² J. Thurlow. Collection of State Papers, vol. III. London, 1742, p. 45, 76, 179.

²³ Th. Burton. Parliamentary Diary from 1656 to 1659, vol. IV. London, 1828, p. 168.

²⁴ Ibid., vol. III. London, 1828, p. 3.

Это дало повод роялистам полагать, что Монк не желает слушаться протектора. В последние годы жизни Кромвеля они возобновили заигрывания с генералом, но он по-прежнему был бдителен. Ему удалось перехватить два зашифрованных письма от короля. Одно было адресовано лицу, обозначенному цифрой «2». По данным своей разведки, Монк знал, что это — один из знатных шотландских лордов. В другом письме, обращенном к некоему «Т», говорилось, что король уверен в его преданности и приказывает ему быть готовым выступить, когда придет время. Монк по своему обыкновению снял с обоих писем копии и послал их Кромвелю, уверив его, что скоро узнает, кто этот «Т», и поступит с ним, как он того заслуживает. К его удивлению скоро выяснилось, что этот «Т» — он сам. Кромвель, узнав об этом, дал выход своей усилившейся с годами подозрительности и написал Монку: «Мне сказали, что в Шотландии есть один хитрый малый, именуемый Джорджем Монком, который, говорят, только и ждет, чтобы пригласить Карла Стюарта; прошу вас, приложите все свое усердие, чтобы схватить его, и пошлите его ко мне»²⁵.

Эти подозрения стареющего протектора не дают оснований заключить, что Монк сохранял верность королю. Никаких сведений о связях его с роялистами в эти годы не имеется.

«СЛУГА ГРАЖДАНСКОЙ ВЛАСТИ»

3 сентября 1658 г. Оливер Кромвель, единолично правивший Англией, скончался. Протектором стал его старший сын Ричард, и государственный секретарь Терло радостно сообщал: «Ни одна собака не тявкнула, в таком великом спокойствии мы находимся»²⁶. Роялисты же, наоборот, по свидетельству Кларендона, были в отчаянии.

Узнав о приходе к власти нового протектора, Монк выразил ему свою лояльность. В Лондон был послан поздравительный адрес от английской армии в Шотландии. Кроме того, Монк лично от себя послал молодому протектору письмо, содержащее несколько советов. Это письмо очень ценно для нас, потому что оно обнаруживает социальные и политические воззрения Монка.

Главное, на чем настаивает Монк, — протектор должен окружить себя знающими и преданными людьми. Он предлагает протектору поддерживать умеренных пресвитериан и созвать совет по делам церкви, чтобы прекратить «позорную неразбериху и разделение на секты», положить конец «богохульству и нечестивости», которые якобы допускала существовавшая религиозная терпимость. Первое требование Монка по существу сводится, таким образом, к созданию твердых гарантий против «неразберихи, творимой сектантами», т. е. наиболее левыми, радикальными слоями народа, угрожавшими социальному благополучию буржуазно-дворянских классов.

Второй совет касался социальной опоры протектората. Протектор, писал Монк, должен опираться на «людей, имеющих власть и влияние», и создать верхнюю палату из «наиболее благоразумных старых лордов стюартовских времен, оставшихся верными парламенту, и ведущих джентри из графств». Он предлагал протектору список кандидатов, состоявший в основном из пресвитериан и приближенных Кромвеля. Туда входили государственный секретарь Терло, главный судья Сен-Джон и среди прочих будущий вождь роялистского восстания Джордж Бус.

Третья рекомендация касалась армии. Монк убеждал Ричарда распустить все подразделения, настроенные нелояльно к протектору, заменить их милицией, т. е. местным ополчением, и слить каждые два полка в один. Это избавит правительство от существенных денежных затрат и позволит ему освободиться от «дерзкого мятежного духа» в армии. «Никакой армейский офицер, — говорилось в письме, — как бы недоволен он ни был, не сможет повести за собой даже двух человек, если он будет уволен». В качестве уступки армии Монк выдвигал требование скорейшей уплаты

²⁵ J. Corbett. Op. cit., p. 109; J. Thurloe. Collection of State Papers vol. VI. London, 1742, p. 741, 863; J. Price. Op. cit., p. 712.

²⁶ J. Thurloe. Collection of State Papers, vol. VII. London, 1742, p. 377.

жалованья солдатам и офицерам, а также разрешения «каждому полковнику, который честен, самому назначать на должности своих офицеров»²⁷.

Все эти требования очень примечательны. Они показывают, что Монк стремился прежде всего предотвратить народные волнения, с одной стороны, и установление военной диктатуры — с другой. Письмо его демонстрирует недоверие к офицерской верхушке. По существу он предлагал возвращение к дореволюционным (но не абсолютистским) методам правления: к единой государственной церкви, к двухпалатному парламенту и к подчинению армии контролю гражданской власти. Такова социально-политическая позиция Монка. Неудивительно, что такие убеждения привлекали к нему симпатии роялистов. Документы показывают, что сторонники короля пристально следили за всеми действиями генерала.

Падение протектората Ричарда Кромвеля и возвращение к власти индепендентского Долгого парламента в мае 1659 г.²⁸ Монк встретил спокойно. От шотландской армии в парламент был направлен адрес, в котором выражалась радость по поводу возвращения республики. В частном письме генерал выражал удовлетворение, что такое «великое изменение» произошло без кровопролития²⁹.

Долгий парламент вернулся к власти под давлением широких слоев народа, стремившегося к продолжению революции. В начале своего правления он вынужден был считаться с чаяниями масс и проводил политику заигрывания с ними. Это выразилось в обещании отменить церковную десятину — налог, тяжким бременем ложившийся на плечи трудящихся, в увольнении из армии ряда поставленных Кромвелем командиров и в привлечении к управлению государством и армией многих членов демократических сект. Эти изменения коснулись и армии Монка. Но генерал, всегда заявлявший о своем повиновении гражданской власти, на этот раз выразил неудовольствие. Он настойчиво просил парламент не смещать ни одного офицера шотландской армии без его согласия. Парламент, невзирая на это, произвел значительные перемещения в офицерском составе его армии, назначив туда многих революционно настроенных сектантов, опальных при Кромвеле. Монк ответил возмущенным письмом³⁰. Он пытал большое недоверие и неприязнь к сектантам, носителям беспокойного революционного духа. Политика Долгого парламента летом 1659 г. шла вразрез с его концепцией государственного порядка, выраженной в письме к Ричарду.

Летом 1659 г. роялисты готовили восстание. Оно должно было охватить северные и западные графства, Кент и ряд южных областей. Сохранявшая некоторую независимость от центра, хорошо дисциплинированная армия Монка была бы для роялистов ценным подкреплением. Еще в большей мере их притягивала личность самого Монка. Вот какую характеристику дал один из них генералу: «Он командует абсолютно преданной ему... лучшей армией в Англии и при выступлении короля может привлечь на свою сторону вооруженные силы Шотландии... Это угрюмый человек, который ценит себя весьма высоко и полагает, что его знания и авторитет в армии делают его более подходящим для титула высочества и должности протектора, чем любовь мистера Ричарда Кромвеля к лошадям и хозяйству. Как вы знаете, единственное, что удерживало его от ропота, — это честолюбивая верность своей профессии и его любовь к особе Кромвеля... Ничего от этого у него теперь не осталось. Чтобы наладить с ним связь, надо, чтобы кто-нибудь, подготовленный к этому, ясно показал ему и дал все возможные гарантии, что он наилучшим образом сможет достичь всех своих целей (т. е. почестей, власти, выгоды и безопасности), если будет служить королю, чем любым другим способом»³¹.

Роялисты-заговорщики стремились поэтому любым путем привлечь на свою сторону генерала Монка. В июле 1659 г. Карл II поручил двоюродному брату Монка,

²⁷ Ibid., p. 387—388.

²⁸ См. Т. А. Павлова. Падение протектората (1659). — «Вопросы истории», 1973, № 11, стр. 115—123.

²⁹ J. Thurlow. Collection of State Papers, vol. VII, p. 667.

³⁰ «Clarke Papers», vol. IV. London, 1901, p. 16—17, 45; «The Parliamentary or Constitutional History of England», vol. XXI. London, 1761, p. 426—427.

³¹ «State Papers Collected by Earl of Clarendon» (далее — CSP), vol. III. Oxford, 1786, p. 628.

Джону Гренвилю, связаться с генералом и пообещать ему большую награду за переход на сторону монархии. Сам король написал Монку письмо, в котором говорилось: «Я не могу думать, что вы желаете мне зла, ибо у вас нет к тому оснований; а добро, которого я ожидаю от вас, принесет такую великую пользу вашей стране и вам самому, что я не могу думать, что вы откажетесь служить мне... Если вы когда-нибудь решитесь принять близко к сердцу мои интересы, я оставляю полностью на ваше усмотрение путь и способ выражения этого и исполню тот совет, который вы мне дадите»³².

Гренвиль считал за лучшее это письмо Монку не показывать, а отправить к генералу его брата Николаса с устными предложениями. О визите Николаса мы уже знаем из рассказа Прайса, который утверждает, что в результате разговора с братом Монк решил служить королю. Кларендон описывает этот эпизод иначе. Когда Николас рассказал о цели своего визита, Монк «после бесконечных упреков в том, что он осмелился подкупать его, потребовал, чтобы он оставил эту страну и поклялся, что если он когда-нибудь возвратится к нему с теми же предложениями, он прикажет его повесить»³³.

Как видим, описания прямо противоположны. Какому из них отдать предпочтение? Вряд ли сейчас можно решить этот вопрос. Заметим только, что Прайс в это время находился при Монке в шотландской армии и мог знать гораздо больше, чем Кларендон. Он был близким Монку человеком. Его версию повторяют и другие современники — Гамбл и Бейкер. Рассказ о решении Монка присоединиться к восстанию Буса (если он верен) тоже говорит в пользу этой версии. С другой стороны, сам Прайс признавался: ни тогда, ни позже он не осмеливался упомянуть при генерале имя короля; все разговоры об этом велись намеками, которые можно было истолковать по-разному.

Кларендон находился в это время за пределами Англии, в Брюсселе, и сведения свои собирал через шпионов. Возможно, что источником для приведенного описания ему послужили слова самого Николаса или связанного с ним Гренвиля, но вероятно также и то, что Монк строго-настрого приказал брату молчать о своих намерениях, и тот побоялся раскрыть их роялистам. Тем более что Монк отослал его уже после разгрома восстания Буса.

Современные исследователи ставят под сомнение утверждение Прайса о том, что Монк решил вернуть королю трон уже в августе 1659 г. Однако сам факт, что Монк не арестовал брата, как поступал со всеми роялистами в годы правления Кромвеля, настораживает. Вернее всего предположить, что генерал решил подумать. Поражение роялистского восстания показало ему, что выступать на стороне короля еще рано. Это понимали и сами главари восстания. Ни в одном из трех обращений к народу, которые они выпустили, не содержится призывов к реставрации монархии.

Вскоре после разгрома восстания, в годовщину смерти Кромвеля — 3 сентября 1659 г., Монк подал прошение об отставке. Ему уже перевалило за пятьдесят. За годы службы в кромвелевской армии он сколотил довольно значительное состояние, скупая у солдат и младших офицеров патенты на землю в Ирландии, которые правительство выдавало им в счет жалованья. Что заставило его принять такое решение? Усталость? Разочарование в парламенте, продолжавшем назначать сектантов вместо верных ему офицеров? Или, может быть, крушение надежд на успех роялистского мятежа?

Как бы то ни было, письмо это результатов не имело. Кларджес, брат супруги Монка и поверенный его в Лондоне, задержал письмо и не дал ему хода сразу. А в конце сентября стали назревать такие грозные события, что генерал и сам уже передумал. Он сказал Прайсу: «Я вижу, что мне предстоит теперь лучшая игра, чем до сих пор. Я настолько хорошо знаю Ламберта, что уверен: он не позволит этим людям в Вестминстере досидеть даже до рождества»³⁴.

³² R. Baker. A Chronicle of the Kings of England. London. 1679. p. 651: CSP, vol. III, p. 417, 421, 516.

³³ E. Clarendon. Op. cit., vol. VI, p. 155—156.

³⁴ J. Price. Op. cit., p. 726—727.

ПРОТИВ ВОЕННОЙ «ХУНТЫ»

Пророчество Монка сбылось. Важным результатом победы над роялистами можно считать усиление английской армии и ее командующего — генерала Ламберта. Это был способный офицер, одержимый честолюбивыми замыслами. В свое время сподвижник Кромвеля, он играл видную роль при его дворе, но в последние годы жизни протектора подвергся опале. Вскоре после смерти Кромвеля он занял один из руководящих постов в армии. Получив известие о победе войск Ламберта над Бусом, парламент в качестве поощрения выдал ему 1000 ф. ст. «на покупку драгоценностей». Ламберт же роздал деньги своим солдатам. «Щедрость» Ламберта произвела впечатление, и солдаты «стали кричать, что он единственный человек, который может быть их генералом, и что они хотят иметь генерала, который сможет больше заботиться о них, нежели спикер»³⁵. Английская армия в конце 50-х годов, как видим, ничем уже не напоминала кромвелевских «железнобоких». Солдаты, разменявшие прежние революционные идеалы на ирландскую землю, развращенные долгим бездельем и свободными постояями, служили просто за плату. А жалование им выплачивалось нерегулярно, часто с изрядной задержкой.

Политика парламента вызывала все большее недовольство в самых различных слоях народа. От него ждали установления конституции, создания нового, представительного парламента, решения экономических и финансовых проблем. Народные низы пытались склонить его к продолжению революционных преобразований. Но клика разбогатевших за годы революции дельцов, в которую превратилось «охвостье» Долгого парламента, не желала расставаться с властью и доходными должностями. Народные массы она оттолкнула от себя, так и не решив вопроса о церковной десятине. Имущим классам она не могла обеспечить политической стабилизации и гарантий безопасности буржуазной собственности. Насущные проблемы пополнения казны, ликвидации финансового дефицита, уплаты армии, создания конституции решены не были. Все это вскоре привело к конфликту.

22 сентября в парламент была подана армейская петиция. В ультимативной форме она выдвигала требования, которые сводились к значительному усилению роли армии в ущерб парламента. 5 октября в парламент была подана новая петиция офицеров; в ней подобные требования высказывались еще более категорично. Палата, не без основания опасаясь значительного уменьшения своей власти, 12 октября при закрытых дверях приняла ряд важных решений: уволить ведущих офицеров, инициаторов этих петиций; назначить вместо одного главнокомандующего (Флитвуда) комитет из семи лиц, большинство из которых составили сторонники парламента; произвести ряд передвижений армейских частей с целью их рассредоточения. Но было уже поздно. Поддерживаемые общим народным недовольством, офицеры 13 октября заняли со своими частями все подступы к Вестминстеру и не допустили депутатов на заседания. Долгий парламент еще раз был разогнан армией.

Желая заручиться поддержкой Монка, верхушка офицеров — «хунта», как называли ее современники, — направила ему на подпись свою петицию. Однако старый генерал не только отказался подписать «мятежную» петицию, но и послал парламентским лидерам письмо, где убеждал их построжее обойтись с Ламбертом и его приспешниками. Он обещал выступить к Лондону в их защиту, если это будет необходимо. Своим подчиненным он запретил подписывать петицию, сказав: «Вы знаете, я всегда был против подписания вообще каких бы то ни было петиций от здешних войск, будь то в парламент или генералу, и я все еще придерживаюсь этого мнения»³⁶.

Известие о разгоне парламента Монк получил 17 октября и этой же ночью отдал приказ укрепить Эдинбург, Лит, Берик и другие крепости. Он сместил ряд командиров-сектантов, которым не доверял, и поставил на их место своих людей. К солдатам и офицерам он обратился с речью. «Я думаю, — сказал он, — что должность моя обязывает меня держать военную власть в подчинении гражданской. Так как мы

³⁵ «The Parliamentary History of England» (далее — Parl. History), vol. III. London, 1807, p. 1561; C. Walker. Op. cit., pt. IV, p. 57; «Calendar Domestic, 1659—1660», p. 234—235.

³⁶ «A Letter from General Monk from Dalkeith, to be Communicated to the Parliament». — «The Weekly Post», 18—25.X.1659; «Clarke Papers», vol. IV, p. 59—60.

получаем жалованье и полномочия от парламента, наша обязанность — защищать его. В этом деле я жду от всех вас полного повиновения. Но если кто-нибудь выразит несогласие с моим решением, он свободно может оставить службу и удалиться»³⁷.

Парламентскому спикеру, а также генералам Флитвуду и Ламберту Монк послал письма. В первом из них он писал: «Я призываю бога в свидетели, что защита республики — единственное мое желание и я хотел бы, если это возможно, избежать кровопролития и потому умоляю вас сохранять доброе взаимопонимание между парламентом и армией. Но если они (офицеры. — *Т. П.*) не подчинятся вашим приказам, я не оставляю вас согласно моему долгу и обещанию»³⁸.

Ламберт и его сторонники не ожидали такой твердой оппозиции. Они послали к Монку его шурина Кларджеса. Тот, прибыв, обрисовал положение в Лондоне. Казна пуста; армии Ламберта не уплачено за несколько месяцев. Способов изыскать денежные средства нет: парламент перед разгоном издал постановление, что собирать налоги без его разрешения — равносильно государственной измене. Свободные постой солдат вызывают повсеместное недовольство населения. Монк понял, что в этой ситуации он должен всячески затягивать переговоры с лондонскими властями. Тем более, что в январе истекал срок выплаты налогов, назначенных парламентом, и тогда «хунта» останется совсем без средств.

В Лондоне в это время был создан «комитет безопасности», обладавший всей полнотой власти. Ламберт с 12-тысячной армией, не дожидаясь ответа Кларджеса, двинулся на север и встал лагерем в Ньюкасле-на-Тайне, в 100 милях от шотландской границы. Армия Монка была вдвое меньше. В таких условиях он согласился послать в Лондон трех уполномоченных для переговоров. Им было дано задание всячески затягивать время и требовать от представителей Ламберта возвращения к власти Долгого парламента. Пока уполномоченные вели переговоры в Лондоне, Монк энергично приводил свою армию в боевую готовность. Он продолжал увольнять подозрительных офицеров, заменяя их своими ставленниками. В Далкит, место резиденции Монка, была стянута большая часть войск; в середине ноября Монк начал переводить их к границе, к Берикю. Он сам неутомимо разъезжал по стране, произносил речи, принимал меры для укрепления городов и крепостей, заботился о нуждах солдат.

Следует обратить внимание на классовый смысл монковских мероприятий. Он удалял из своей армии большей частью сектантов — анабаптистов, квакеров. Это значит, что он планомерно очищал ее от демократических элементов. Членами народных еретических сект были, как правило, выходцы из низов, сторонники республики и революции. На их место Монк назначил умеренных пресвитериан — людей более зажиточных, склонных к компромиссам, жаждавших политической стабилизации. Нельзя забывать также, что пресвитерианская партия в целом всегда была сторонницей соглашения с королем.

Уполномоченные Монка, посланные для переговоров, не выполнили инструкций и 15 ноября пришли к соглашению с ламбертовской стороной. Но Монк отказался утвердить соглашение и предложил продолжить переговоры в Ньюкасле. Он видел, что затягивание переговоров с каждым днем усиливает его позиции и ослабляет противника. В начале декабря его армия, готовая к сражениям и послушная, стояла в Колдстриме-на-Твиде, в 9 милях от Берика.

Лагерь находился в суровых условиях — холодные палатки, скудная пища. Походная церковь разместилась в пустом коровнике. Но генерал умел воодушевить солдат. Он делил с ними все трудности лагерной жизни: спал в палатке, пил перебродившее пиво, ел солдатскую похлебку. Его грузную фигуру постоянно видели то там, то здесь в расположении войск, а грубоватые шутки подбадривали уставших.

Между тем армия Ламберта, состоявшая из плохо оплачиваемых и деморализованных солдат, распалась. Расчеты Монка оказались правильными. В то время как переговоры между двумя армиями затягивались, не давая результата, военный

³⁷ Цит. по: J. Corbett. Op. cit., p. 134.

³⁸ «The Letters from the Lord General Monk...» — «The Parliamentary or Constitutional History of England», vol. XXII. London, 1762, p. 7.

режим все больше обнаруживал свою несостоятельность, и у Монка появлялись сторонники в Англии. Первым дал о себе знать ветеран гражданских войн, умеренный пресвитерианин Томас Фэрфакс. В ноябре 1659 г. он известил Монка, что готов присоединиться к нему с войском, которое он рассчитывал собрать в Йоркшире к 1 января 1660 г.³⁹

Сильное недовольство проявило лондонское Сити, финансовый центр страны. Упадок ремесла и торговли, вызванный непрочностью политического положения, приводил к тому, что многие жители отказывались платить налоги. Молодые люди собирались на улицах и в кофейнях и обсуждали положение в стране; усиливались слухи о продвижении Монка, о переговорах с королем и т. п. В городе широко распространялись памфлеты и призывы, направленные против «власти шпаги». 5 декабря лондонские ученики и подмастерья восстали; они требовали созыва парламента, поощрения ремесел и торговли. Посланные для их усмирения войска были встречены градом камней; с окон и крыш раздалось даже несколько выстрелов. Солдаты в конце концов ответили залпом. Несколько человек были убиты, около 20 ранены. Выступление было подавлено, но недовольство нарастало⁴⁰.

Члены разогнанного парламента поддерживали тайную связь с Монком. Они назначили его главнокомандующим всеми вооруженными силами Англии с широкими полномочиями. В начале декабря было получено известие, что А. Гезльриг, активный лидер «охвостья», полковник Морли, глава гарнизона в Тауэре, и другие сторонники парламента овладели Портсмутом и открыто выступили против «комитета безопасности». О верности парламенту заявил и английский флот. Корабли вошли в устье Темзы и бросили якоря в 20 милях от Лондона, блокировав таким образом подступы к нему с моря. Дело довершила ирландская армия, также объявившая себя сторонницей «законного парламента». Все это свидетельствовало о том, что Монк не находился в изоляции. Ободренный приходившими каждый день приятными ему известиями, он заявил, что не может продолжать переговоры с офицерами, пока не свяжется со сторонниками парламента в Портсмуте и других частях Англии⁴¹.

«Комитет безопасности» в Лондоне предпринимал лихорадочные попытки исправить свое положение — его члены спешно сочиняли конституцию, обещали народу свободу совести, установление республики, свободные и законные выборы. Но эти обещания уже не действовали, им никто не верил. Самым популярным выражением недовольства был отказ платить налоги. Наконец, армия, главная опора «комитета безопасности», полностью распалась. В Ньюкасле целые отряды дезертировали или переходили на сторону Монка. А в Лондоне солдаты и младшие офицеры объявили о своей верности парламенту. Они явились в дом спикера, просили принять над ними командование и вернуться в Вестминстер. 26 декабря члены Долгого парламента, сопровождаемые громкими приветствиями солдат, подошли к зданию Вестминстер-холла и возобновили свои заседания. Военная диктатура кучки офицеров пала под ударами английских налогоплательщиков, стремившихся к стабилизации, порядку, развитию нормальной экономической жизни.

В период правления «комитета безопасности» в сознании английских собственников совершается поворот к союзу с монархией. Действия Ламберта окончательно показали собственническим слоям неспособность «охвостья» Долгого парламента служить гарантом свободного распоряжения буржуазной собственностью. Сторонница республики Люси Хетчинсон писала: «Эта дерзкая узурпация Ламберта так перевернула сердца всех людей, что целая нация начала обращать свои взоры на короля, находившегося за морем, и думать, что плохое устройство под его властью лучше, чем вообще никакое или чем находиться под тиранической властью таких надменных разбойников, как Ламберт»⁴².

³⁹ «Memorials of the Civil War», ed. by R. Bell. vol. 2. London, 1849, p. 151—165.

⁴⁰ «The Weekly Post», 29.XI—6.XII. 1659; R. В a k e r. Op. cit., p. 675; «Clarke Papers», vol. IV, p. 164—165; E. L u d l o w. Op. cit., vol. II, p. 177.

⁴¹ «Clarke Papers», vol. IV, p. 208—209, 218—219.

⁴² L. H u t c h i n s o n. Memoirs of the Life of Colonel Hutchinson. London, 1913. p. 312.

Итак, попытка верхушки офицеров установить военную диктатуру провалилась. Парламент возобновил свои заседания. Казалось бы, необходимость активных действий в защиту его отпала. И тем не менее Монк 1 января 1660 г. отдал приказ своим войскам двинуться на Лондон. 2 января он сам во главе кавалерии переправился через замерзшую, покрытую глубоким снегом р. Твид. Известный 30-дневный марш на Лондон начался. Армия Монка насчитывала к этому времени около 5 тыс. пехотинцев и 2 тыс. кавалеристов. Поход шел в исключительно трудных условиях. Зима стояла на редкость суровая, снегу было так много, что Прайс писал: «Я не помню, чтобы мы когда-либо шли по голой земле на всем пути от Эдинбурга до Лондона»⁴³.

Что заставило Монка, не ожидая распоряжений парламента, идти на Лондон? Современники и исследователи отвечают на этот вопрос по-разному. Прайс и многие другие утверждают, что целью генерала было «привести в страну короля». Дэвис и Ферс, наиболее крупные специалисты по истории реставрации, отрицают это. Сам Монк тоже настойчиво протестовал против упреков в роялизме. Еще в конце ноября он писал: «Что касается кавалеров, то я со всей скромностью могу доказать, что у них нет в этих трех нациях большего врага, чем я»⁴⁴.

Существуют и другие объяснения. Так, Гоббс пишет: «Охвостье, хотя и заседало опять, не имело достаточно прочного положения, но (среди столь многих криков о свободном парламенте) так же пуждалось в приходе генерала, как и прежде»⁴⁵. Немаловажное значение, по-видимому, имело и настроение монковских солдат. После тягот и неудобств лагерной жизни, после 10-летнего отсутствия в родной стране они с нетерпением ожидали возвращения домой, теплой и сытой жизни, медалей и денег, которыми их, конечно же, должен был наградить парламент.

Со стороны остатков ламбертовской армии Монк не встретил сопротивления. Сам Ламберт возвратился в Лондон и вскоре был уволен со всех руководящих постов. Его разрозненные отряды или разбежались при известии о приближении Монка, или присоединялись к нему. Взоры английских собственников, недовольных политическим «неустройством» и экономическим упадком, обратились теперь к руководителю шотландской армии. В городах и местечках, куда он вступал со своими отрядами, именитые горожане встречали его колокольным звоном; городские власти устраивали в его честь банкеты и оказывали ему почести; Монка называли «единственным освободителем и надеждой нации»⁴⁶, ему вручались многочисленные письма.

Пожелания, содержащиеся в этих письмах, сводились к установлению в стране «полного и свободного парламента». Это значило — вернуть права исключенным в 1648 г. пресвитерианам и заполнить вакантные места согласно дореволюционному избирательному праву. Ясно было, что это может привести только к заключению компромисса с феодальной монархией, для которого в Англии уже давно созрели социальные и экономические предпосылки. «Не стоит говорить, что это значит то же самое, как если бы они требовали короля»⁴⁷, — пишет роялист Дж. Мордаунт.

Движение за «свободный парламент» объединяло все слои собственнических классов Англии — старую феодальную знать, джентри, крупную торговую, промышленную и финансовую буржуазию, среднее сословие — до мелких ремесленников и подмастерьев включительно. По существу своему оно носило антинародный характер. Вместо прежних революционных лозунгов всеобщего избирательного права, демократизации правления, отмены копигольда теперь выдвигались требования «подавить всяческие ереси и раскол», «обезвредить» и разоружить сектантов.

Как реагировал на все эти выступления Монк? По сообщению биографов, он вежливо принимал визитеров, молча выслушивал их и затем отвечал им немногими стандартными фразами. Его цель, говорил он, восстановить правление «законной гражданской власти» — парламента в том составе, как он заседал до разгона его офицерами. 6 января, отвечая на декларацию жителей Ньюкасла, он твердо обещал оставаться

⁴³ J. P r i c e. Op. cit., p. 749.

⁴⁴ Цит. по: M. A s h l e y. Op. cit., p. 217.

⁴⁵ Th. G o b b e s. Op. cit., p. 649.

⁴⁶ «Mercurius Politicus», 19—26. I. 1660; «Harleian Miscellany», vol. VIII, p. 601.

⁴⁷ J. M o r d a u n t. The Letter-Book. London, 1945, p. 166—167, 168, 174.

верным «доброму старому делу» и республике. Те же слова он повторял в письмах к спикеру и лондонскому Сити. Отвечая на декларацию джентльменов из Девона, он осуждал требование возвращения пресвитериан в парламент. «Ибо очень многие из них,— писал он,— защищают интересы монархии и вместе с тем хотят отменить все законы, изданные со времени их исключения, а это, я опасаясь... немедленно вовлечет все эти нации в самую ужасную и кровавую войну». Далее он разъяснял, что возвращение к монархическому строю для Англии невозможно, так как «его основание разрушено». Права и свободы англичан «несовместимы с обычным для монархии единообразием в церкви и государстве». Наилучшим устройством для Англии поэтому является республика⁴⁸.

Зная дальнейшие действия генерала, правомерно поставить вопрос: почему он так настойчиво объявлял себя сторонником республики? Вероятно, потому, что другие письменные и даже устные ответы в этот период были просто невозможны. Власти подозревали Монка и тщательно за ним следили. Дай он малейшую надежду роялистам, его тут же могли обвинить в государственной измене.

Чем ближе Монк продвигался к Лондону, тем лаконичнее и неопределеннее становились его ответы. «Молчаливый, как сфинкс,— пишет биограф,— этот беспокоивший всех воин шел все дальше, и весь мир смотрел на него»⁴⁹. Парламент послал к нему навстречу двух своих представителей, которым было поручено приветствовать генерала, но вместе с тем следить за каждым его движением. С 22 января они везли его в своей карете и не отходили от него ни на шаг, когда он принимал депутации. Видя это, Монк стал часто поручать им отвечать на заявления жителей, а его собственные ответы «состояли из кивка головой, сдвигания бровей или потирания лба, если речь была слишком длинной»⁵⁰.

Такое поведение заставляло современников теряться в догадках. Мордаунт писал: «Монка никто не понимает, все боятся. Мне не нравятся его действия»⁵¹. Пресвитериане надеялись, что он их тайный сторонник, и не раз посылали к нему своих агентов. Иногда им казалось, что он дает им какие-то надежды, но в целом они оставались в неопределенности.

Как ни трудно в таких условиях выяснить подлинные замыслы Монка, некоторый свет на них все же можно пролить, попытавшись выяснить классовый смысл его поступков. Прежде всего имеются сведения, что Монк все же засылал тайных поверенных к йоркширским и лондонским пресвитерианам и давал им какие-то обещания⁵². Подойдя ближе к Лондону, он послал в парламент ходатайство о том, «чтобы сектантская партия была удалена из армии», и приложил к нему список тех лиц, которых он предлагал отстранить от государственных и военных должностей. В этом списке перечислялись офицеры, участвовавшие в военном перевороте, а также многие сектанты и республиканцы. При вступлении в Лондон Монк потребовал удаления из столицы всех войск, в том числе полков, которыми командовали члены «охвостья». На предложение своих офицеров принести клятву «подчиняться парламенту во всем, исключая возвращения Карла Стюарта», он ответил, что «они не должны диктовать свою волю парламенту, иначе они впадут в те же ошибки, что и английская армия»⁵³.

Все это заставляет думать, что Монк, хорошо чувствуя стремления имущих классов к компромиссу с монархией, но боясь, как и большинство английских собственников, новой смены властей и гражданской войны, оставлял для себя несколько возможностей. Он умышленно сохранял в своих поступках некоторую неопределенность. Находясь между псевдореспубликанской кликой «охвостья» и роялистски настроенной массой английских собственников, он поддерживал в обоих лагерях некоторые сомнения и некоторые надежды относительно своих будущих действий. В то же время он выжидал, когда соотношение сил обнаружится достаточно ясно, чтобы действовать наверняка.

⁴⁸ J. Toland. Op. cit., p. 26—27. Это письмо, как и многие другие высказывания Монка, дали Толанду основание обвинить его в «чудовищном лицемерии».

⁴⁹ J. Corbett. Op. cit., p. 154.

⁵⁰ J. Price. Op. cit., p. 755.

⁵¹ J. Mordaunt. Op. cit., p. 155.

⁵² G. K. Abernathу. Op. cit., p. 38; CSP, vol. III, p. 649; Ch. Firth. Op. cit., p. 155.

⁵³ J. Price. Op. cit., p. 754.

Армия Монка вошла в Лондон 3 февраля 1660 г. Генерал был осыпан милостями парламента: его назначили главнокомандующим всеми вооруженными силами Англии, Шотландии и Ирландии с жалованьем 1000 ф. ст. в год. 6 февраля Монк предстал перед «охвостом» и принял официальную благодарность палаты. В ответной речи генерал позначкомил парламент с содержанием многих деклараций, вручавшихся ему по пути к Лондону. «Народ большинства графств, — сказал он, — находится в великом и горячем ожидании соглашения». Основные желания его — «полный и свободный парламент, назначение срока роспуска нынешнего парламента, благочестивые священнослужители, поддержание просвещения и университетов и допуск к заседаниям членов, исключенных в 1648 г., безо всяких предварительных клятв и обязательств». При этом Монк дал понять, что, если парламент выполнит хотя бы часть этих требований, народ и прежде всего джентри встанут на его сторону и будут защищать его интересы. Он также советовал позаботиться о том, чтобы «ни кавалеры, ни фанатики (т. е. сектанты. — Т. П.) не принимали участия в делах гражданского или военного управления». Закончившая свою речь, Монк настаивал на продолжении кромвелевской политики грабежа и эксплуатации ирландского народа⁵⁴.

! Классовый смысл позиции Монка был ясен: он выражал интересы английских собственников, в основном джентри и буржуазии, стремившихся к прочному для них государственному порядку. Он, впрочем, еще не знал намерений «охвостья» и не чувствовал достаточной поддержки Лондона, главным образом Сити.

Вскоре он был поставлен перед нелегким выбором. Роялистские настроения среди английских собственников все усиливались. Волнения под лозунгом «свободного парламента» происходили в Йорке, Норфолке, Бате, Бристоле. Повсеместная неуплата налогов стала обычным явлением. Множество сторонников короля, осмелев, вернулись в Англию и открыто агитировали за восстановление монархии. Центром оппозиции «охвостью» стало лондонское Сити. 8 февраля общинный совет принял постановление не платить никаких налогов, не утвержденных «полным и свободным парламентом»⁵⁵. Крупная финансовая и торговая аристократия города решилась на открытый конфликт с ненавистой кликой.

Поздно вечером, когда решение Сити стало известно в Уайт-холле, Монка вызвали в государственный совет. Совещание шло за закрытыми дверьми. Тянулись часы, а Монк все не выходил. Его жена, боясь, что он арестован⁵⁶, стала неистово стучать в запертую дверь и требовать возвращения мужа, но в ответ не раздавалось ни звука. Только после двух часов ночи Монк вышел, кратко объявил друзьям, что с рассветом должен оккупировать Сити, и, отказавшись слушать кого бы то ни было, лег спать.

Утром 9 февраля Монк, исполняя приказ «охвостья», вошел со своими солдатами в Сити, арестовал 11 известных горожан, разрушил ворота и укрепления — символы независимости города. Это вызвало бурю негодования не только среди жителей, но и среди солдат и офицеров армии. Приказ парламента нарушать права мирного города казался им постыдным. Возмущенные офицеры решились пойти к генералу. «Он был мрачен и жевал свой табак; и я заметил, — пишет Прайс, — что он был больше сердит на шпионов, которые вертелись вокруг него... чем на то дело, которое он исполнял»⁵⁷.

Монк выполнил приказ парламента и тем самым на деле продемонстрировал повиновение существовавшей власти. «Охвостье» торжествовало победу. Артур Геальриг, узнав о покорности Монка, торжествующе вскричал: «Теперь, Джордж, ты наш телом и душой!»⁵⁸.

⁵⁴ «Mercurius Politicus», 2—9. II. 1660.

⁵⁵ «Mercurius Politicus», 2—16. II. 1660; «Calendar Domestic, 1659—1660», p. 355; B. Whitelocke. Op. cit., p. 393; S. Pepys. The Diary and Correspondence, vol. I. London, 1825, p. 41; R. Baker. Op. cit., p. 684; E. Ludlow. Op. cit., vol. II, p. 218.

⁵⁶ Для таких подозрений были основания. Согласно Прайсу, Монк уже 5 февраля получил известие, что некоторые члены парламента собираются арестовать его и посадить в Тауэр, опасаясь его влияния в армии и стране. — J. Price. Op. cit., p. 758—759.

⁵⁷ J. Price. Op. cit., p. 762.

⁵⁸ Цит. по: Ch. Firth. Op. cit., p. 155.

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!»

Но клика «охвостья» слишком рано торжествовала победу. С уничтожением символов независимости Сити положение в стране существенно изменилось. В этот момент очень многое стало зависеть действительно от самого Монка. Реакция Сити и его армии на карательные меры парламента ярко продемонстрировала настроения имущих классов. Отношение к «охвостью» стало резко отрицательным. Разброд в парламенте, неспособность его править страной, упадок ремесла и торговли, финансовая несостоятельность правительства, недовольство в армии — все это не могло укрыться от глаз старого генерала. На Монка, кроме того, оказывали влияние конкретные лица. Когда его армия разрушала укрепления Сити, к нему явилась депутация горожан, с которой он вел длительные переговоры. В это же время полковник Морли предложил Монку свою поддержку в случае, если генерал выступит против «охвостья». Шурин Монка Кларджес после разрушения Сити упрекал его, что он обманул надежды всей страны, которая ждала от него установления мира и порядка. Он доказывал, что «охвостье» нельзя считать представительным парламентом, что оно на каждом шагу изменяет интересам нации. Наконец, к Монку пришла депутация от его солдат. Они просили его действовать немедленно: иначе его враги в парламенте засадят его в тюрьму, и тогда «все погибнут»⁵⁹.

На выбор Монка повлияло и еще одно немаловажное обстоятельство. 9 февраля бывший член Малого парламента сектант Бэрбон подал в «охвостье» петицию с требованием продолжения революции. Петиция ясно свидетельствовала о том, что демократические слои населения отчетливо сознавали угрозу реставрации монархии, нависшую над страной. Чтобы власть не попала в руки пресвитериан и других сторонников Карла Стюарта, говорилось в петиции, «все сознательные граждане в парламенте, армии, флоте и республике должны как можно скорее объединиться и зорко следить за ними, чтобы ...вырвать псагу из их рук»⁶⁰. Мы уже знаем, как враждебно Монк относился к сектантам. Классовое чутье подсказывало ему, что революционно настроенные демократические слои народа представляют для победивших в революции классов-союзников главную опасность, они-то как раз больше всего угрожали столь желаемой «стабилизации». Все эти события не оставляли Монку выбора. 11 февраля он покинул Уайтхолл, вернулся со своей армией в Сити и оттуда послал парламенту письмо. Он ставил в вину «охвостью», что оно нарушило права и свободы английского народа, приказав подчинить Сити; что оно поддерживает связь с «мятежными офицерами», в частности с Ламбертом. Один из важных пунктов обвинения состоял в том, что «недавняя петиция фанатичных людей, представленная Бэрбоном, была принята парламентом с благодарностью». В безапелляционной форме Монк потребовал выпустить указ о созыве нового парламента не позднее, чем на будущей неделе.

Письмо подписали кроме Монка ведущие офицеры его армии⁶¹.

Весть о том, что Монк потребовал «свободного парламента», была с радостью встречена в Сити. Состоялось торжественное примирение генерала с властями города. Мэр и олдермены устроили обед в его честь. В Сити звонили колокола, пылали костры, народ веселился и пил на улицах. Демонстрируя свою ненависть и презрение к «охвостью», подмастерья устраивали на площадях шутовские действия, сопровождавшиеся сожжением огузков различных животных. Овечьи хвосты бросали в окна членам парламента. Кое-кому побили стекла. Многие открыто провозглашали тосты за здоровье короля.

Однако «охвостье» все еще оставалось у власти. Его ответом на требования Монка была смена командования армии. Вместо одного главнокомандующего армия была теперь поставлена под контроль комитета из пяти лиц, большинство из которых составляли сторонники «охвостья». События развертывались быстро. Пресвитериане, бывшие члены Долгого парламента, совещались между собой уже несколько дней. Наконец они пришли к Монку. Их лидеры — Купер, Принн, Кларджес — убеждали его силой вернуть их в парламент. Но он все еще хотел уладить дело мирным, «законным» путем. По его настоянию 18 февраля пресвитериане встретились с лидерами «охвостья», но

⁵⁹ В. Whitelocke. Op. cit., vol. IV, p. 397; J. Price. Op. cit., p. 765; J. Corbett. Op. cit., p. 164—165.

⁶⁰ «Mercurius Politicus», 9—16.II.1660.

⁶¹ S. P e r y s. Op. cit., vol. I, p. 42; E. L u d l o w. Op. cit., vol. II, p. 220.

соглашение достигнуто не было. Монк и его офицеры потребовали, чтобы пресвитериане, если они придут к власти, сохранили республиканский строй, утвердили все земельные продажи, произведенные за годы революции (Монк сам был владельцем ирландских земель) и назначили день роспуска парламента. Пресвитериане согласились, но Монк все еще колебался.

Когда лидеры пресвитериан узнали, что генерал продолжает вести переговоры с «охвостьем», они перешли к решительному нажиму на него. 20 февраля Купер собрал нескольких лидеров пресвитерианской партии. Не забыли пригласить и Кларджеса, и госпожу Монк. До трех часов ночи они убеждали генерала безотлагательно вернуть «исключенных членов» в парламента. К 8 часам утра 21 февраля пресвитерианские члены Долгого парламента были уже все на ногах. Под охраной монковских солдат они двинулись к палате общин. Их было почти втрое больше, чем членов «охвостья». Когда они вошли в палату, Гезльриг и другие депутаты повскакали с мест и закричали, что Монк — предатель. Многие тут же покинули заседание, и пресвитериане сделались полновластными хозяевами страны.

Таким образом, самый необъяснимый, по мнению историков, поступок Монка — разрыв с «охвостом» и возвращение в парламента пресвитериан — был вызван весьма земными и реальными причинами.⁶² Монк, подталкиваемый активным нажимом пресвитериан, выступил на стороне английских собственников против деградировавшей клики «охвостья», неспособной установить порядок, и против стремившихся к демократическим реформам народных низов.

Классовый смысл действий Монка еще отчетливее вырисовывается в период непосредственной подготовки к реставрации. В речи перед «полным парламентом» 21 февраля 1660 г. Монк наметил стоявшие перед ним задачи. Он должен прежде всего выплатить армии задержанное жалованье. Парламент, далее, должен назначить государственный совет и провести выборы в «новый свободный парламента без короля или палаты пэров». После этого Долгий парламента обязан самораспуститься. Монк призвал депутатов поддерживать интересы Сити, этого «оплота торговли для всего христианского мира». В области религии он требовал установить государственную пресвитерианскую церковь «с достаточной свободой совести»⁶². Эта программа полностью соответствовала требованиям имущих классов, выраженным во множестве петиций, приходивших в адрес Монка и «охвостья» с января 1660 г.

Пока Долгий парламента спешно отменял все законодательные акты своих предшественников и расшичал тем самым путь к реставрации монархии, Монк со своей стороны принимал меры, объективно служившие той же цели. Парламент снова назначил его главнокомандующим, и он приказал разослать во все полки письма, объясняющие и оправдывающие события в Лондоне. В письмах говорилось, что возвращение «исключенных членов» — единственное средство достигнуть «мира и устройства нации». В них заверялось, что «полный парламента» не отменит актов и ордовансов, касающихся распределения и продаж земель новым владельцам. От имени Монка командиров местных гарнизонов просили решительно пресекать все попытки недовольных лиц нарушить порядок. В заключение всем солдатам и офицерам обещали вскорости сполна выплатить жалованье⁶³. На таких условиях Монк мог быть полностью уверен в поддержке армии.

Кроме того, Монк удалил несколько отрядов из Лондона, разместил войска малыми группами и заменил ряд командиров-республиканцев пресвитерианами. Он запретил солдатские и офицерские митинги. Любые попытки выразить протест беспощадно карались. Мемуары современников пестрят сообщениями о казнях, арестах, высылках подозрительных лиц.

В то же время хитрый генерал продолжал во всеуслышание заявлять, что он хранит неизблемую верность республике. «Что касается республики, — писал он Гезльригу 17 февраля, — верьте мне, сэр, ибо я говорю в присутствии бога, мое искреннее желание — и оно с божией помощью будет доказано всей моей жизнью, — чтобы эти нации были объединены в свободное государство без короля, единоличного правителя или палаты лордов, чтобы они управлялись своими представителями в парламенте». Может быть, он сам хотел стать верховным правителем Англии? Видя, что дело неминуе-

⁶² «Mercurius Politicus», 16—23.II.1660.

⁶³ Ibidem; R. В а k e r. Op. cit., p. 688—689.

мо идет к реставрации, Гезльриг и другие республиканцы 13 марта предложили генералу стать главой государства — королем или протектором, как он пожелает. Бордо, французский посол, уверял его в поддержке Мазарини, если он примет предложение. Но Монк был непреклонен. Он отказался слушать такие речи, а Бордо велел не вмешиваться во внутренние дела Англии ⁶⁴.

16 марта Долгий парламент, расчистив путь к реставрации монархии, объявил о своем самороспуске. Начало заседаний нового парламента — Конвента — было назначено на 25 апреля. А 19 марта Монк встретился наконец с посланцем короля Джоном Гренвилем, давно ожидавшим этой возможности. Здесь уже, если верить описанию Прайса, все происходило совсем как в романах Дюма.

Глухой ночью Гренвиль с письмом короля в руке стоял в одной из комнат дома, принадлежащего родственнику Монка, Уильяму Морису. Неслышно открылась потайная дверь, и вошел Монк. Когда Гренвиль молча вручил ему письмо, «генерал отпрянул и (держа письмо в руке), сдвинув брови, спросил его, как он осмелился говорить с ним по такому делу, не учитывая грозящей опасности?». Гренвиль ответил, что привык подвергаться опасностям на службе его величеству. Тогда «генерал, не ответив ничего более, приблизился к нему с ласковым выражением и, обняв его обеими руками, сказал: «Дорогой кузен, я от всего сердца благодарю вас за предусмотрительность, преданность, внимание и постоянство, которое вы выказали в этом великом деле». Затем генерал, прочитав письмо, сказал: «Я надеюсь, король простит мне прошлое — как слова, так и поступки, согласно содержанию его милостивого письма; ибо я в сердце своем всегда оставался ему верен. Но я никогда не имел возможности оказать ему услугу до сего времени. И заверьте его величество, что я готов не только повиноваться его приказам, но и пожертвовать своей жизнью и счастьем, служа ему».

После этого Монк, тайно проконсультировавшись с лидерами различных партий, встретился с Гренвилем в следующую ночь и продиктовал ему несколько условий, легших потом в основу Бредской декларации. Король, сказал он, должен переехать с испанской территории на голландскую — в Бреду, объявить всеобщую амнистию, утвердить все земельные перемещения, произведенные революцией (за исключением тех, которые не утвердит парламент), и провозгласить свободу совести. Генерал не успокоился, пока не убедился, что Гренвиль выучил эти условия наизусть, и тогда сжег бумагу, на которой они были записаны ⁶⁵.

С этого времени Монк открыто начал содействовать реставрации монархии. Когда 11 апреля Ламберт бежал из Тауэра и выступил во главе республиканских отрядов, генерал заявил, что он сам поднимет всю Англию, провозгласит короля, объединит роялистов во всех трех королевствах и начнет новую гражданскую войну ⁶⁶. Но этого делать не пришлось. В результате своекорыстной политики «охвостья» идеи республиканизма в Англии оказались дискредитированными. Ламберту не удалось собрать вокруг себя достаточного числа защитников республики, которые к тому же были значительно ослаблены монковскими чистками и репрессиями. Ламберт потерпел сокрушительное поражение.

Возвращение на трон монарха оставалось лишь утвердить в законодательном порядке. Эту задачу выполнил Конвент, состоявший из представителей господствующих классов. 1 мая письма от короля, доставленные Гренвилем, были прочитаны в обеих палатах, армии и Сити, и через неделю глашатаи возвестили, что Англия вновь, после 11-летнего перерыва, стала монархией.

Остается сказать несколько слов о дальнейшей судьбе генерала Монка. С возвращением короля на трон ему были пожалованы многие почетные титулы и доходные должности. Он стал герцогом Эльбмерлом, и до сих пор значится во многих указателях под этим именем. Его влияние при дворе в первые годы реставрации было огромным. Во время англо-голландских войн 60-х годов он вместе с принцем Рупертом командовал флотом ⁶⁷. Руководил мерами по наведению порядка в Лондоне во время чумы (1665 г.) и в год великого пожара (1666 г.). 3 января 1670 г. Монк умер от водянки.

⁶⁴ Ch. F i r t h. Op. cit., p. 156; J. T o l a n d. Op. cit., p. 15.

⁶⁵ J. P r i c e. Op. cit., p. 785—786.

⁶⁶ Ibid., p. 793—794.

⁶⁷ «The Rupert and Monk Letter-Book 1666». London, 1969.

Таким образом, к реставрации монархии в 1660 г. привели объективные социально-экономические причины, корень которых надо искать в антинародном характере союза нового дворянства и буржуазии, в созданной революцией системе лендлордизма. В 1659—1660 гг. беспомощная и своекорыстная политика клики «охвостья» окончательно развенчала идеалы республики в глазах широких слоев собственнических классов и народных низов. Именно в эти годы совершается «поворот к реставрации» в субъективной сфере — в сфере социальной психологии различных слоев английского общества.

Роль генерала Монка в событиях реставрации Стюартов была немалой. Но он не был, конечно, главным ее устройтелем, единолично решавшим судьбы Англии. Монк сыграл роль орудия, выполнившего волю консолидировавшихся собственнических классов, стремившихся к компромиссу с монархией. Эту роль он смог сыграть потому, что командовал наиболее дисциплинированной и дееспособной армией.

Твердых принципов в политике у Монка не было — об этом свидетельствует противоречивость его высказываний и поведения. Главное, что сделало Монка наилучшим выразителем воли имущих классов — это его социальная позиция. Документы, вышедшие из-под его пера, и поступки его свидетельствуют о том, что он стоял на стороне буржуазно-дворянских собственников и постоянно защищал их интересы. Во многих своих речах и письмах, давая советы парламентам и правителям, он настаивал на служении «земельному интересу» и на сохранении прав новых землевладельцев, приобретших состояния в годы революции. Он сам был таким землевладельцем и отнюдь не стоял, как утверждают некоторые авторы, за «безусловное возвращение короля»⁶⁸. Нет, его требования королю, высказанные в беседе с Гренвилем, свидетельствуют о том, что он был сторонником компромисса с монархией именно при условии сохранения завоеваний буржуазно-дворянских классов в революции.

Социальные взгляды Монка отчетливо проявляются и в его отношении к демократическим сектам. Верный своему классу он постоянно подвергал сектантов гонениям, видя в них носителей революционных идей, «беспокойства» и «раскола». В своих действиях Монк руководствовался не только стремлением к богатству и почестям; он прежде всего выполнял волю буржуазно-дворянских классов; прямой нажим пресвитериан, оказанный на него в решающие дни февраля 1660 г., — главное тому свидетельство. Пока английские собственники колебались в выборе формы правления, наиболее соответствующей их интересам, колебался и молчал Монк. Как только стало ясно, что сила консолидировавшихся английских собственников на стороне реставрации, и Монк выступил за реставрацию. Поворот в сознании Монка был отражением такого же поворота, совершившегося к этому времени в сознании господствующих классов.

Толанд обвинял Монка в том, что он «не имел ничего святого» ни в политике, ни в религии. Здесь он, пожалуй, прав. Святы для Монка были только интересы собственности — и власть, и религия, и армия, по его мнению, должны были всецело им служить.

⁶⁸ E. L u d l o w. Op. cit., vol. II, p. 247; G. D a v i e s. Op. cit., p. 269—270, 346; G. R. A b e r n a t h y. Op. cit., p. 58, 59.